

АНДРЕЙ ФУРСОВ

СТАЛИН И ВЕТЕР ИСТОРИИ

*Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —
Сноп валился за снопом.*

Сталин

*Правда — горькое лекарство,
неприятное на вкус, но зато
восстанавливающее здоровье.*

Бальзак

60 лет назад не стало Иосифа Виссарионовича Сталина — умер или, что вероятнее, был убит. За эти 60 лет произошло многое: СССР испытал величайшие успехи и величайшую катастрофу 1991 года. На смену Сталину приходили пигмеи, с каждым новым номенклатурным поколением — всё пигмеистее. Последнее поколение, горбачёвское, сочетало ничтожность с предательством. Именно оно и его постсоветские сменщики обильно поливали грязью Сталина, а вместе с ним — всё советское, то самое советское, чем они питаются до сих пор, не создав ничего нового. И, похоже, чем больше прожирается советское наследие, тем больше ненависть к Сталину в определённых кругах, тем сильнее страх перед ним.

Цель данной статьи — разобраться в причинах этих групповых чувств к вождю, поскольку я глубоко убеждён: человека в не меньшей степени, чем друзья, определяют враги: “Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты”.

1

Однажды Сталин сказал, что после его смерти на его могилу нанесут много мусора, однако ветер его развевает. Всё так и вышло, как предвидел вождь. Не прошло и несколько лет, как один из главных “стахановцев террора” 1930-х годов Н. Хрущёв (именно на его запросе увеличить квоты на расстрел Сталин написал: “Уймись, дурак”) начал поливать вождя грязью. Хрущёв не был в этом первым: систематический полив Сталина (правда, вперемежку

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа. Автор 400 работ, включая 9 монографий.

с реальной критикой) начал Троцкий, ну, а не вышедший умом бывший троцкист Хрущёв оставил только полив. Затем к Хрущёву в качестве “мусорщиков” присоединились наиболее рьяные из “шестидесятников”, а о диссидентах, “певших” под чужие “голоса” и “плывших” на чужих “волнах”, и говорить нечего — они были частью западной антисоветской пропаганды.

Перестройка ознаменовала новый этап в шельмовании Сталина. Здесь, однако, не Сталин был главной мишенью, а советский социализм, советский строй, советская история, а за ними — русская история в целом. Ведь заявил же один из бесов перестройки, что перестройкой они ломали не только Советский Союз, но всю парадигму тысячелетней русской истории. И то, что главной фигурой слома был выбран именно Сталин, лишний раз свидетельствует о роли этого человека — феномена не только советской, но и русской истории. Сталинизм, помимо прочего, стал активной и великодержавной формой выживания русских в XX веке в условиях исключительно враждебного окружения, нацелившегося на окончательное решение русского вопроса: Гитлер был вовсе не единственным, просто он — по плебейской своей манере — громче всех кричал, повторяя то, чего набрался у англосаксов.

Рухнул СССР, разрушен советский строй. Казалось бы, советофобы могут успокоиться по поводу Сталина и СССР. Ан нет, неймётся им. Правда, нынешние десталинизаторы — фигуры в основном фарсово-одиозные, глядящие мелко даже по сравнению с перестроечной шпаной. На экранах телевизоров кривляются убогие социальные типы вроде полубразованного пафасно-фальшивого публициста, академика-недочуки с ухватками стукача, алкоголика с претензией на роль международного дельца и прочая бездарь. Тут поневоле вспомнишь Карела Гашека: “Они приходят, как тысяча масок без лиц”, — как сказал он о саламандрах, и Николая Заболоцкого: “Всё смешалось в общем танце, / И летят во все концы / Гамадрилы и британцы, / Ведьмы, блохи, мертвецы [...] / Кандидат былых столетий, / Полководец новых лет, / Разум мой! Уродцы эти — / Только вымысел и бред”.

Действительно, иначе как бредом не назвать то, что “ковёрные антисталинисты” подают в качестве “аргументации”. Это либо сплошные, на грани истерики, эмоции в духе клубной самодейтельности с выкриками “кошмар”, “ужас”, “позор”, что очень напоминает шакала Табаки из киплингковского “Маугли” с его “Позор джунглям!” — эмоции без каких-либо фактов и цифр. Либо оперирование фантастическими цифрами жертв “сталинских репрессий” — “десятки и десятки миллионов” (почему не сотни?). Если на что и ссылаются, то на “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына. Но Солженицын-то был мастер легендарования и заготовки “подкладок”. Например, он не претендовал в “Архипелаге...” на цифирную точность; более того, выражался в том смысле, что указанное произведение носит, так сказать, импрессионистский характер. Подстраховался “Ветров” — вот что значит школа.

А ведь за последнюю четверть века на основе архивных данных (архивы открыты) и наши, и западные (прежде всего американские) исследователи, большинство из которых вовсе не замечены в симпатиях ни к Сталину, ни к СССР, ни даже к России, подсчитали реальное число репрессированных с 1922 по 1953 год, и никакими “десятками миллионов” или даже одним десятком там и не пахнет. Напомню, кстати, что хотя “сталинская” эпоха формально началась в 1929 году, по сути, только с 1939 года можно формально говорить о полном контроле Сталина над “партией и правительством”, хотя и здесь были свои нюансы.

За последние годы появились хорошо документированные работы, показывающие реальный механизм “репрессий 1930-х”, которые как **массовые** были развязаны именно “старой гвардией” и “региональными баронами” вроде Хрущёва и Эйхе в качестве реакции на предложение Сталина об альтернативных выборах. Сломить сопротивление “старогвардейцев” вождь не смог, но **точечный** (не массовый!) удар по их штабам нанёс. Я оставляю в стороне борьбу с реальными заговорами, к примеру, противостояние Сталина левым глобалистам-коминтерновцам, как и Троцкий, считавшим, что Сталин предал мировую революцию. Таким образом, реальная картина “репрессий 1930-х” намного сложнее, чем это пытаются представить хулители Сталина; это многослойный и разноректорный процесс завершения гражданской войны, в котором собственно “сталинский сегмент” занимает далеко не бóльшую часть.

Аналогичным образом проваливается второй главный блок обвинений Сталина — обвинений в том, как складывалась в первые месяцы Великая Отечественная война: “проморгал”, “проспал”, “не верил Зорге”, “верил Гитлеру”, “сбежал из Кремля и три дня находился в прострации” и т. п. Вся эта ложь давно опровергнута документально, исследователи об этом прекрасно знают: и о том, что Сталин ничего не проспал, и о том, что на самом деле он никогда не верил Гитлеру, и о том, что правильно не верил Зорге, и о реальной вине генералов в канун 22 июня. Здесь не место разбирать все эти вопросы, но от одного замечания не удержусь. Уж как зубоскалили антисталинисты над заявлением ТАСС от 14 июня 1941 года; в заявлении говорилось, что в отношениях СССР и Германии всё нормально, что СССР продолжает проводить миролюбивый курс и т. п. “Мусорщики” трактуют это как “глупость и слабость Сталина”, как “заискивание перед Гитлером”. Им не приходит в голову, что адресатом заявления были не Гитлер и Третий рейх, а Рузвельт и США. В апреле 1941 года Конгресс США принял решение, что в случае нападения Германии на СССР США будут помогать СССР, а в случае нападения СССР на Германию — Германии.

Заявление ТАСС фиксировало полное отсутствие агрессивных намерений у СССР по отношению к Германии и демонстрировало это отсутствие именно США, а не Германии. Сталин прекрасно понимал, что в неизбежной схватке с рейхом его единственным реальным союзником могут быть только США, они же удержат Великобританию от сползания в германо-британский антисоветский союз. И уж, конечно, нельзя было допустить неосторожным движением, к которому подталкивал русских Гитлер, спровоцировать возникновение североатлантического (а точнее — мирового, с участием Японии и Турции) антисоветского блока. В этом случае Советскому Союзу (относительный военный потенциал на 1937 год — 14%) пришлось бы противостоять США (41,7%), Германии (14,4%), Великобритании (10,2% без учёта имперских владений), Франции (4,2%), Японии (3,5%), Италии (2,5%) плюс шакалам помельче. Кстати, с учётом этих цифр и факта решения Конгресса США очевидна вся лживость схемы Резуна и иже с ним о якобы подготовке Сталиным нападения на Германию, в частности, и на Европу в целом.

Есть один чисто психологический нюанс в обвинениях научной и околонучной братии в адрес Сталина. Во всём, точнее, во всём, что считается отрицательным в правлении Сталина (положительное проводится по линии “вопреки Сталину”), вина одного человека как якобы наделённого абсолютной властью, а потому всемогущего. Но, во-первых, Сталину удалось упрочить свою власть лишь к концу 1930-х годов; до этого — борьба не на жизнь, а на смерть, хождение по лезвию ножа, постоянная готовность отреагировать на радостный крик стаи: “Акела промахнулся”. Война — не лучшее время для единоличных решений. Ну, а период 1945–1953 годы — это время постоянной подковёрной борьбы различных номенклатурных группировок друг с другом — и против Сталина. Послевоенное восьмилетие — это история постепенного обкладывания, окружения стареющего вождя номенклатурой (при участии определённых сил и структур из-за рубежа). Попытка Сталина нанести ответный удар на XIX съезде ВКП(б)/КПСС (1952) окончилась смертью вождя. Таким образом, в реальной, а не “профессорской” истории, по поводу которой Гёте заметил, что она не имеет отношения к реальному духу прошлого, — это “... дух профессоров и их понятий, / Который эти господа некстати / За истинную древность выдают”, Сталин никогда не был абсолютным властелином — Кольца Всевластия у него не было. Это не значит, что он не несёт личной ответственности за ошибки, жестокость и пр., несёт — вместе с жестокой эпохой, по законам которой его и нужно оценивать.

Но дело не только в этом. Простая истина заключается в следующем: тот, кто руководил коллективом хотя бы из 10 человек, знает, что абсолютная власть невозможна, — и она тем менее возможна, чем больше подчинённых. Бóльшая часть тех, кто писал и пишет о Сталине, никогда ничем и никем не руководили, не несли ответственности, то есть в этом смысле суть люди безответственные. К тому же на власть они нередко проецируют свои амбиции, страхи, претензии, желания, “сонной мысли колыханья” (Н. Заболоцкий) и, не в последнюю очередь, тягу к доноситечеству: не секрет, что больше всего советскую эпоху Сталина и КГБ ненавидят бывшие стукачи, доносчики, ведь легче ненавидеть систему и её вождя, чем презирать собственную подлость, —

вытеснение, понимаешь ли. Абсолютная власть — это мечта совинтеллигенции, нашедшая одно из своих отражений в “Мастере и Маргарите”; помимо прочего, именно поэтому роман стал культовым для этого круга (а “Записки покойника”, где этому слою было явлено зеркало, — не стали). Сводить суть системы к личности одного человека — в этом есть нечто и от социальной шизофрении, и от инфантилизма, не говоря уже о профессиональной несостоятельности.

Можно было бы отметить и массу иных несуразностей, ошибок и фальсификаций “наносчиков мусора” на могилу Сталина, но какой смысл копаться в отравленных ложью и ненавистью, замешанной на комплексах и фобиях, мозгах? Интереснее разобрать другое: причины ненависти к Сталину, страха перед ним целых слоёв и групп у нас в стране и за рубежом, страха и ненависти, которые никак не уйдут в прошлое, а, напротив, порой, кажется, растут по мере удаления от сталинской эпохи. Как знать, может, это и есть главная Военная Тайна советской эпохи, которую не дано разгадать буржуинам и которая висит над ними подобно “дамоклову мечу”? Поразмышляем о Сталине сквозь призму ненависти к нему и страха перед ним его врагов и их холуёв.

2

Отношение к лидерам — царям, генсекам, президентам — интересная штука в силу своей, по крайней мере, внешней парадоксальности. В русской истории было три крутых властителя: Иван Грозный, Пётр I и Иосиф Сталин. Наиболее жестокой и разрушительной была деятельность второго: в его правление убыль населения составила около 25% (народ мёр и разбегался). К моменту смерти Петра казна была практически пуста, хозяйство разорено, а от петровского флота через несколько лет осталось три корабля. И это великий модернизатор? В народной памяти Пётр остался Антихристом — единственный русский царь-антихрист, и это весьма показательно. А вот Иван IV вошёл в историю как Грозный, и его время в XVII веке вспоминали как последние десятилетия крестьянской свободы. И опричнину в народе практически недобрым словом не поминали — это уже “заслуга” либеральных романовских историков. Сталин, в отличие от Петра, оставил после себя великую державу, на материальном фундаменте которой, включая ядерный, мы живём до сих пор, а РФ до сих пор числится серьёзной державой (пусть региональной, но без сталинского фундамента нас ожидала и ожидает участь сербов, афганцев и ливийцев, никаких иллюзий здесь питать не надо).

Парадокс, но из трёх властителей Пётр, несмотря на крайнюю личную жестокость и провальное царствование, любим властью и значительной частью интеллигенции. Ему не досталось и десятой доли той критики, которую либеральная историография и публицистика обрушила на головы Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Грозному царю не нашлось места на памятнике “Тысячелетие России”, а Пётр — на первом плане. Что же такого сделал Пётр, чего не делали Иван и Иосиф? Очень простую вещь: позволял верхушке воровать в особо крупных размерах, был либерален к “проказам” именно этого слоя. За это и любезен власти и отражающему её интересы, вкусы и предпочтения определённого сегменту историков и публицистов. Иван Грозный и Сталин были жестки и даже жестоки по отношению, прежде всего, к верхушке. “Проклятая каста!” — эти слова сказаны Сталиным, когда он узнал о том, что эвакуированная в г. Куйбышев номенклатура пытается организовать там для своих детей отдельные школы.

Всю свою жизнь у власти Сталин противостоял “проклятой касте”, не позволяя ей превратиться в класс. Он прекрасно понимал, как по мере этого превращения “каста” будет сопротивляться строительству социализма — именно это Сталин и имел в виду, когда говорил о нарастании классовой борьбы по мере продвижения в ходе строительства социализма. Как продемонстрировала перестройка, вождь оказался абсолютно прав: уже в 1960-е годы сформировался квазиклассовый теневой СССР-2, который в союзе с Западом и уничтожил СССР-1 со всеми его достижениями. При этом реальное недовольство населения было вызвано СССР-2, то есть отклонением от модели, но заинтересованные слои провернули ловкий пропагандистский трюк: выставили перед населением СССР-2 с его изъянами, растущим неравенством, искусственно

создаваемым дефицитом и т. п. в качестве исходной проектной модели СССР-1, которую нужно срочно “реформировать”.

В советское время, как при жизни Сталина, так и после его смерти, вождя ненавидели, главным образом, две властные группы (и, соответственно, связанные с ними отряды совинтеллигенции). Во-первых, это та часть советского истеблишмента, которая была заряжена на мировую революцию и представители которой считали Сталина предателем дела мировой революции или, как минимум, уклонистом от неё. Речь идёт о левых глобалистах-коминтерновцах, для которых Россия, СССР были лишь плацдармом для мировой революции. Им, естественно, не могли понравиться ни “социализм в одной, отдельно взятой стране” (то есть возрождение “империи” в “красном варианте”), ни обращение к русским национальным традициям, на которые они привыкли смотреть свысока, ни отмена в 1936 году празднования 7 ноября как Первого дня мировой революции, ни появление в том же 1936 году термина “советский патриотизм”, ни многое другое. Показательно, что уже в середине 1920-х годов Г. Зиновьев, “третий Гришка” российской истории (знали бы те, кто нумеровал, каким ничтожеством по сравнению даже с третьим окажется четвёртый!) аргументировал необходимость снятия Сталина с должности генсека тем, что того “не любят в Коминтерне”, а одним из главных критиков Сталина в 1930-е годы был высокопоставленный коминтерновский функционер О. Пятницкий.

Вторую группу сталиноненавистников можно условно назвать “советскими либералами”. Что такое “либерал по-советски”? Разумеется, это не либерал в классическом смысле, да и вообще не либерал — даже *низэ-э-энько-низэ-э-энько* не либерал. Советский номенклатурный либерал — это чиновник, который стремился потреблять больше, чем ему положено по жёстким правилам советско-номенклатурной ранжированно-иерархической системы потребления, а потому готовый менять власть на материальные блага, стремящийся чаще выезжать на Запад и сквозь пальцы глядящий на теневую экономику, с которой он всё больше сливался в социальном экстазе.

В наши дни это называется коррупция, но к совсистеме этот термин едва ли применим: коррупция есть использование публичной сферы в частных целях и интересах. В том-то и дело, однако, что в совреальности не было юридически зафиксированного различия между этими сферами, поскольку не было частной сферы — “всё вокруг колхозное, всё вокруг моё”. Речь вместо коррупции должна идти о подрыве системы, который до поры до времени (до середины 1970-х годов, когда в страну хлынули неучтённые нефтяные доллары) носил количественный характер. Таким образом, правильнее говорить о деформации системы. Вот эти деформаторы и ненавидели Сталина больше всего, поскольку номенклатурное и околономенклатурное ворьё понимало, что при его или сходных порядках возмездия не избежать. Поэтому они так опасались прихода к власти неосталиниста А. Шелепина, поставив на Л. Брежнева, — и не проиграли. Именно при “герое Малой земли” возрос теневая СССР-2 (не теневая экономика, а именно теневая СССР, связанный как со своей теневой экономикой, так и с западным капиталом, его наднациональными структурами, западными спецслужбами), но тень при Брежневке знала своё место, выжидая до поры, а вот при Горбачёве она заняла место хозяина, уничтожив фасадный СССР-1. Реальный СССР в начале 1980-х годов напоминал галактическую империю из азимовской “Академии” — Foundation: благополучный фасад при изъеденных внутренностях. Только у СССР, в отличие от империи, не оказалось математика Селдена с его планом — у нас был “математик”-гешефтматик Б. Березовский, и этим всё сказано. Но вернёмся к сталинофобии. Она довольно чётко коррелирует с потребленческими установками, с установкой на потребление в качестве смысла жизни. Символично, что один из “ковёрных антисталинистов” заявил в телеэфире: национальную идею можете оставить себе, а мне дайте возможность потреблять. Может ли такой тип не ненавидеть Сталина и сталинизм? Не может. Сталинизм — это историческое творчество, установка на творчество как цель и смысл жизни. СССР был творческим, высокодуховным проектом, что признают даже те, кто Советскому Союзу явно не симпатизирует. Показательно в этом плане фраза, сказанная бывшим министром образования А. Фурсенко о том, что проект (sic!) советской школы заключался в том, что она стремилась воспитать человека-творца, тогда как задача эрэфовской школы — воспитать квалифи-

цированного потребителя. Это, выходит, и есть национальная, а точнее, групповая идея, поскольку у потребителя и “потреблятства” нет национальности, главное – корыто, а кто его обеспечит, свои или чужие, дело десятое, главное, чтоб было куда хрюкальник воткнуть.

Символично также следующее. Тот самый персонаж, который требовал для себя “праздника потребления”, высказывался и в том смысле, что если земли к востоку от Урала сможет освоить мировое правительство, то пусть оно и возьмёт их. Так потребленческая установка антисталинизма совпадает с глобалистской – это две стороны одной медали. Так прочерчивается линия от антисталинизма к смердяковщине, то есть к русофобии. Социальный мир антисталинистов – это глобальный “скотный двор”, главная цель которого – обеспечивать потребление под руководством и надзором мирового правительства. Сталин трижды срывал строительство такого мира на русской земле, именно за это его и ненавидят антисталинисты. Всё прозаично, разговоры же о свободе, демократии, “советском тоталитаризме” бывших советских карьеристов и стукачей никого не могут обмануть.

Парадоксальным образом ими оказалась часть левых (условно – “троцкисты”, левые глобалисты) и часть правых (условно – “бухаринцы”). В этом плане становится ясно, что “троцкистско-бухаринский блок” – это не нарушение здравого смысла, а диалектическая логика, которую Сталин, отвечая на вопрос, как возможен лево-правый блок, сформулировал так: “Пойдёшь налево – придёшь направо. Пойдёшь направо – придёшь налево. Диалектика”.

Страх позднесоветской номенклатуры перед Сталиным – это страх “теневого СССР” перед исходным проектом, страх паразита перед здоровым организмом, перед возмездием с его стороны, страх перед народом. После 1991 года этот страх обрёл новое, откровенное, а не скрытое классовое измерение, которое, как демонстрируют время от времени кампании десталинизации, делает этот страх паническим, смертельным.

3

Важен вопрос о причинах ненависти к Сталину на Западе. Здесь два аспекта: практико-политический и метафизико-исторический. Практико-политический аспект прост: замарывая Сталина, враги России и русских ставят под сомнение нашу победу в Великой Отечественной/Второй мировой войне, а следовательно, право РФ находиться среди великих держав, принадлежность к клубу которых до сих пор в огромной степени определяется участием в антигитлеровской коалиции и ролью в ней.

Приравнение Сталина к Гитлеру, а СССР – к Третьему рейху вкуче с разговорами о том, что на Сталине лежит такая же вина за развязывание войны, как на Гитлере, а возможно, ещё и большая, работает в том же направлении: повесить на СССР (и, следовательно, на РФ) вину за развязывание войны, навязать комплекс исторической вины и неполноценности. То есть с практико-политическим аспектом всё ясно и просто.

Более интересен, на мой взгляд, метафизико-исторический аспект причины ненависти западной верхушки к Сталину. Дело в том, что Сталин трижды сорвал планы этой верхушки – правых глобалистов – по созданию глобального мира под эгидой чего-то похожего на мировое правительство, о необходимости которого много говорили Варбурги, Рокфеллеры и их подголоски из интеллектуальной обслуги. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что первыми о необходимости чего-то похожего на мировое правительство заговорили в XIX веке Ротшильды, однако русские цари Александр I и Николай I своей политикой такую возможность подорвали. Отсюда – ненависть Ротшильдов к Романовым: как говорят, в конце XIX века один из Ротшильдов заявил, что для их семейства мир с Романовыми и их Россией невозможен.

Сталин сделал для слома “затейки” глобальных “верховников” под названием “мировое правительство” больше, чем все русские цари вместе взятые, использовав при этом противоречия между самими правыми глобалистами. Серпом Красной империи он трижды валил снопы глобализации на поле истории XX века.

Первый раз Сталин сделал это во второй половине 1920-х годов, точнее, в 1927–1929 годах, когда его команда, опираясь на сохранявшуюся мощь Большой Системы “Россия”, на содействие представителей разведструктур

Российской империи и на противоречия в среде буржуинов, заменил проект “мировая революция” проектом “красной (социалистической) империи”. Финантерну в его планах создания Венеции размером с Европу или мир в целом пришлось развёртывать проект “мировая война” и вести к власти Гитлера, всемерно укрепляя конкретное государство – Третий рейх. В результате англо-американской накачки, резко усилившейся именно в 1929 году – в год высылки Троцкого из России (“прощальный поклон” Сталина схеме “мировая революция”), – “Гитлер инкорпорейтед” смог воевать, сыграв роль агрессора в написанном для него спектакле. По “пьесе” он должен был разнести СССР, а затем пасть под ударом англосаксов.

Однако История – коварная дама, всё вышло по-другому, и Сталин во второй раз сорвал планы глобалистов, разгромив Гитлера. Помогла ему и борьба Великобритании и США, крушивших в ходе войны не только Третий рейх, но и Третью Британскую империю (Вторая закончилась отложением Североамериканских штатов).

В третий раз Сталин сорвал планы глобалистов тем, что при нём СССР, не позволив накинуть себе на шею удавку плана Маршалла, создал ядерный щит и ядерный меч и восстановился не за 20, как прогнозировали западные спецы, а за 10 лет, превратившись на рубеже 1940–1950-х годов в сверхдержаву.

Сталин – проектировщик и генеральный конструктор единственного геосторического проекта, который можно противопоставить глобализму, – неоимперского. В начале XX века глобалистский (на капиталистической основе) проект англосаксов – Британской империи и США – столкнулся с фактом существования империй, мешавших уже в силу самого своего существования реализации их проекта. Главными из этих четырёх империй были две – Германская и Российская. Их-то и стравили между собой, а затем сломали, используя и усилив внутренние противоречия. Примерно десяток лет всё шло так, как было задумано, однако в конце 1920-х годов процесс вышел из-под контроля: команда Сталина взяла верх и над левыми, и над правыми (и для тех, и для других Россия была придатком Запада – вязанкой хвороста в буржуазном очаге) и ещё за 10 лет выстроила красную империю с мощнейшим ВПК – выстроила, используя глобальные тренды и глобальные же противоречия, которые поставила себе на службу. Сталин нашёл золотой ключик к потайной дверце буржуинов-глобалистов – прибыль, которую одна их часть могла получить за счёт вложений в СССР, конкурируя с другой частью.

Сталин – автор и создатель единственного успешного антиглобалистского проекта XX века. Он наглядно показал, что можно противопоставить глобалистам и как с ними бороться. Если считать годом свёртывания в СССР глобалистского проекта в его “мир-революционной форме” 1929 год (показательно свёртывание в том же году нэпа, теснейшим образом привязывавшего СССР к глобализации, – лево-правая диалектика), то можно сказать, что Сталин отодвинул приход глобализации ровно на 60 лет – до окончательной сдачи Горбачёвым на Мальте 2–3 декабря 1989 года всего и вся. Ясно, что такое простить “Хозяева мировой игры” никогда не смогут. Тем более что Сталин продемонстрировал технологию борьбы с ними, сделав заявку на развёртывание своей игры и своего хозяйства, включая альтернативный мировой рынок и подрыв позиций доллара. Здесь глобалисты должны были воскликнуть, как один из русских поэтов XVIII века: “Лъзя ли старика любить?” Конечно, нельзя. Им такого “старика”, как *Uncle Joe* или *Old Joe*, как называли Сталина англосаксы, любить нельзя – только ненавидеть. С учётом сказанного анализ сталинизма и советского опыта, обязательная историческая критика первого и второго, работа над ошибками – насущнейшая задача для нас.

4

Есть ещё один интересный выверт антисталинских кампаний на Западе (и у нас в этом направлении активно работает “пятая колонна”): уравнивание сталинизма и гитлеризма, о практико-политическом аспекте которого речь шла выше. Но есть ещё более интересный аспект. Я согласен с теми аналитиками, которые указывают на сходство целеполагания нынешней глобальной верхушки и нацистской верхушки: обе исходят из необходимости радикального сокращения населения планеты, обе – фанаты орденских и неоорденских структур глобального управления; обе – антихристианские. Третий рейх не

был альтернативой глобализму; он был средством глобальных элит (весьма выигравших от реализации проекта “Третий рейх” – прежде всего, материально) и одновременно брутальным экспериментом по установлению нового мирового порядка (вслед за которым можно было реализовывать мягкий).

Сталинский неоимперский антикапитализм был альтернативой как гитлеровскому, так и англосаксонскому “новому порядку”. Именно поэтому сталинизм пытаются не только уравнивать с гитлеризмом, но представить его ещё более жёстким тоталитаризмом, чем этот последний. Таким образом, во-первых, камуфлируется сходство гитлеровского нового порядка и нового мирового порядка послевоенных англосаксонских глобалистов; во-вторых, компрометируется, снимается с повестки дня единственная реальная альтернатива (капиталистическому) глобализму и остановке Истории в духе программы “3 Д”: деиндустриализация, депопуляция, дерационализация сознания и поведения, – которую по заказу хозяев разрабатывают сотни “фабрик мысли”. Эта альтернатива – неоимперскость на антикапиталистической основе.

Чем сильнее будет сопротивление глобализму, тем активнее будет вспоминаться фигура Сталина и исторический опыт СССР, который, конечно же, нельзя и не нужно ни реставрировать, ни повторять. Сталин совершал ошибки, порой весьма досадные. Да, на нём лежит вина за целый ряд процессов и явлений – вина, которую он разделяет со своим временем. Но это участие всех государственных деятелей. А разве нет вины у британских и американских политиков? Ещё как есть, она и в сравнение не идёт с негативным аспектом деятельности Сталина. Кто приказывал подвергнуть ядерной бомбардировке Хиросиму и Нагасаки, хотя в этом не было никакой военной надобности? Кто приказал бомбить Кампучию, в результате чего погибли около миллиона человек? Чтобы затенить этот факт, Пол Поту “пририсовали” лишние миллион-полтора жертв и начали кричать на весь мир о зверствах кампучийских коммунистов. А вот по поводу почти 1 млн хути и тутси и около 2 млн жителей соседних стран, вырезанных в 1990-е годы при попустительстве (как минимум) мировой верхушки, почему-то помалкивают. И только когда возникла необходимость использовать геноцид в центре Африки, эти “танцы во славу монстров” (так называется одна из лучших книг об этих событиях) в качестве средства для удара по 2–3 десяткам представителей мировой элиты, то есть для внутренних разборок, о резне вспомнили, и спустя 18 лет, и 17 августа 2012 года соответствующий иск был подан главному прокурору Международного суда. Примеры можно множить, но ситуация и без этого ясна.

... Когда-то Сталин заметил: есть логика намерений и есть логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений. Есть **намерение** у неких сил, слоёв очернить Сталина и советское прошлое, скрыв в этой черноте многие негативные, а порой катастрофические результаты постсоветики, бездарность управления, неспособность к историческому творчеству. Какое там творчество? Это *порок*, задача, напомним, – воспитывать квалифицированных потребителей, чтобы те тупо купались в убогом потребляестве и ни о чём не думали.

Но есть и **обстоятельства**. Эти обстоятельства – реальная жизнь РФ в канун нового витка приватизационных реформ; это бюджет на 2013 год, который сеет сомнения по поводу того, что РФ – “социальное государство”; это сокращение численности населения РФ и сползание её в сырьевые придатки Запада по сравнению не только с СССР, но даже с Российской империей; это и многое другое. Вот эти-то обстоятельства и выступают фоном и объектом сравнения со сталинской эпохой. Те реформы, которые проводились в РФ с 1992 года, – лучшая реклама Сталину и его эпохе, аргумент в их пользу. И не случаен успех Сталина – вопреки очернению “мусорщиками” – в конкурсе “Имя России”. Этот успех, основанный на достижениях сталинской эпохи, как материальных, так и социальных, на Большой Стеле и Большой Стратегии эпохи, напугал многих наверху. Конкурс показал, что вождь не ошибся: Ветер Истории не только разметал мусор с его могилы, но и сдул гадивших на неё пигмеев. Вопреки очернительству, имя Сталина стало “именем России”, формально – не первым, но долго лидировало (и мы ведь всё понимаем).

Со времени проведения конкурса прошло время, но страхи не проходят, к ним добавляются новые – перед революцией. Не так давно один высокопоставленный чиновник, по-видимому, уговаривая самого себя, заявил, что

Россия не может ещё раз пережить разворот в левую сторону (массовая национализация и т. п.). А затем предупредил тех, кто своей неразумной политикой провоцирует такие события: если настроение в обществе изменится, то любая попытка влиять на него (по-видимому, подразумевается влиять силовым способом) приведёт к очень плохим последствиям, потому что если влиять, то это сразу революция, вот и всё (это “вот и всё” дорогого стоит!). Правда, через несколько дней другой высокопоставленный чиновник bravо успокоил коллегу: сценария “цветных революций”, например, “оранжевой”, никто не допустит.

Не могу не отвлечься на “лирическое отступление”: уверенность чиновников в том, что они – властелины исторической стихии, умиляет. Не забуду, как в 1995 году В. Черномырдин заявил, что Россия исчерпала лимит революций, полагая, что может говорить от имени русской истории. Не всякий государственный деятель может себе позволить такое, ну, а уж герой эпохи временщичества – тем более. Как же нужно оторваться от реальности, чтобы ляпнуть такой неадекват?! Хорошо о правящем слое 1990-х годов сказал О. Маркеев, сравнив его со стаей пингвинов, которые разместились на верхушке айсберга и думают, что управляют его движением, хотя на самом деле не знают не только направления океанических течений, но и о самом их существовании. Впрочем, разве это характерно только для 1990-х годов?

В реальной истории, как справедливо заметил Н. Мандельштам, “победителем является тот, кто уловил общие тенденции истории и сумел их использовать”, то есть тот, кто понимает направление течений в океане. Сталин говорил по этому поводу по-другому: “оседлать законы истории”, но суть та же. Иными словами, революции случаются или не случаются не по хотению клерков и мелких хозяйчиков, которых вынесло во власть. Революциями движут другие силы.

Далее. Если в России и возможна революция, то никак не оранжевая, – красная. Причём эта последняя будет реакцией на нечто более страшное, чем революция. Революция есть нечто отструктурное и развивающееся в определённых рамках, это Порядок, возникающий из Хаоса. Сам этот Хаос есть реакция огромной и внешне аморфной, вязкой массы на чужеродную агрессивность по отношению к ней. Когда-то К. Победоносцев заметил, что Россия – вязкая страна: ни революция, ни реакция здесь до конца не проходят. Но аморфность и вязкость эти кажутся таковыми с западоцентричной точки зрения. На самом деле у массы – жёсткий, скрытый от западоцентричного взгляда каркас. Это и есть Большая Система “Россия”. Представители власти в России, как правило, либо понимали это плохо, либо вообще не понимали. Исключение – Сталин. Да, сама масса на Руси /в России не порождала властные пирамиды, они привносились извне – из Орды, с XVIII века – с Запада. “Правители всегда привносили идею пирамиды извне, – писал О. Маркеев, – очарованные порядком и благолепием заморских столиц. Не они, а сама масса решала, обволочь ли её животворной слизью, напиток до вершины живительными соками или отторгнуть, позволив жить самой по себе, чтобы нежданно-негаданно развалить одним мощным толчком kloкочущей энергией утробы [...] Вопрос лишь времени и долготерпения массы”.

Во многом обманчивой является и хаотичность смутных времён, в том числе того, которое мы переживаем с 1990-х годов. Вот взгляд практика из среды, весьма далёкой от научной. Легендарный киллер Лёша-солдат (Алексей Шерстобитов) в серьёзной книге “Ликвидатор” пишет о 1990-х: “Потихоньку я начал разбираться в окружающем меня хаосе и обратил внимание на стройность его порядка – ведь именно хаосом создаются великие не только произведения, но и масштабные вещи от инфраструктур до Вселенной. Такковыми (хаотическими. – А. Ф.) они кажутся из-за непонимания (наблюдателем. – А. Ф.) рациональности порядка вещей и формул, по которым они создаются. Причём [...] даже обладание знанием не гарантирует удачи в упорядочивании хаотического движения, и даже рассмотревший его во всех подробностях и, казалось бы, всё понявший не в состоянии его описать”. Что уж говорить о не обладающих знанием и рассматривающих любую реальность, в том числе российскую, сквозь призму западного порядка. Ясно, что сквозь такую призму любая реальность будет хаосом – именно поэтому практически все реформы в России оказывались контрпродуктивными, а результат принёс сталинский рывок.

А пропос: западофилия в наши дни есть род социальной некрофилии. Стремление как к образцу для подражания к порядкам такого социума, который захлёбывается в гное порока, обездвижен социальной импотенцией и не способен сохранить ни расовую, ни историческую, ни религиозную идентичность, то есть охваченного волей к смерти, есть не что иное, как культурно-историческая некрофилия. Оставим мёртвым хоронить их мёртвых. Те, кто зовёт нас в “цивилизованный мир”, хотя бы привести нас на кладбище, в лучшем случае — на помойку “поля чудес” в “стране дураков”. Попадание именно на такую помойку, причём в периферийно-третьемировском варианте, заблокировали Сталин и его команда в 1930-е годы, а инерции хватило до 1980-х годов. Европы, о которой можно было бы сказать словами Артюра Рембо как о месте: “. . . где малыш / В пахучих сумерках перед канавкой сточной, / Невольно загрустил и вслушиваясь в тишь, / За лодочкой спешит, как мотылёк непрочной”, — давно нет. Европа (да и Запад в целом) сегодня — это скорее заповедник гоблинов, только гоблины в основном сами люди неместные (хотя и местных гоблинов хватает!). Конрадовское “сердце тьмы” теперь забилося в Европе — пришло возмездие за века колониального грабежа. Но это их проблемы — проблемы “ничейного дома” — *nobody's house*, как назвал Великобританию времён Тэтчер один английский журналист, но то же можно сказать и обо всей Европе. “Ничейный дом” — это и есть идеал глобалистов, которых несколько раз в XX веке подсекал Сталин: СССР был общим домом.

Возвращаясь к схеме пирамиды и массы, отмечу: только такая пирамида, которая отвечает устоявшимся формам *коллективного бессознательного*, способна нормально функционировать в России, опираясь на невидимый каркас. Это очень хорошо понимал, более того — чувствовал Сталин. “Реформы неизбежны, — писал он, — но в своё время. И это должны быть реформы органические, [. . .] опирающиеся на традиции при постепенном восстановлении православного самосознания (интересно, знают ли эти строки неистовые хулители Сталина из РПЦ? — А. Ф.). Очень скоро войны за территории сменят войны “холодные” — за ресурсы и энергию. Нужно быть готовыми к этому”.

Данный пассаж дорогого стоит. Мало того, что вождь предсказал войны за ресурсы, развернувшиеся на рубеже XX–XXI веков, — он зафиксировал необходимость реформ в области психосферы, понимая, что военные действия со временем переместятся и туда и что реформы должны опираться на традицию (на сознание и бессознательное), а не отвергать и не ломать её. Именно этим с 1991 года активно занимаются многие наши СМИ, особенно ТВ, впрочем, без того успеха, на который рассчитывали, и нередко контрпродуктивно, озлобляя население и, по сути, подталкивая его к “мощному толчку kloкочущей энергией утробы”. Разумеется, значительная часть морально-нравственных ориентиров и императивов разрушена за эти 20 лет — как и за 20 лет, предшествовавшие 1917 году. Мы видим немало проявлений морального кризиса, и, тем не менее, задача разрушения русской психосферы, психологии нашим противником не решена (даже компьютерные стрелялки не действуют на наших детей так, как на западных, — из-за различий в смеховой культуре). И недаром чиновники опасаются антилиберальной революции “и всё”: либеральная “пирамида” (в обоих смыслах этого слова) осталась чуждой, чуждой и враждебной массе населения, чувствующего себя ущемлённым. Как пела группа “Любз”: “А за то, что Россию обидели, / Емельян Пугачёв не простит”. “Нижний мир” всегда играл в русской истории значительно большую роль, чем усматривали и готовы были признать “баре” — страшно далёкие от народа, ориентированные на Запад власти и профессорская наука. Что можно посоветовать этим ребятам? Читать внимательно русскую историю и труды нобелевского лауреата Ильи Пригожина о хаосе, диссипативных структурах, самоорганизации и сложности. Впрочем, не поздно ли?

Не революции надо опасаться и не нового Сталина, а кое-чего покруче и пострашнее, известного в русской истории под названием “пугачёвщина”, то есть реакции массы на чуждую пирамиду. Не надо думать, что времена пугачёвщины прошли — в Большой Системе “Россия” они не пройдут никогда, меняться может только форма. Пугачёв и “село Плодомасово” (Н. Лесков) — это постоянно присутствующее измерение русской жизни, так сказать, её параллельный Нижний мир (Навь, Хель). Он легко прорывается в Средний мир, поскольку оборонительные линии последнего в русской жизни — веществен-

ная субстанция, накопленный труд, собственность, право — исторически слабы. А сегодня их многократно ослабляет несправедливый (мягко говоря, а если не мягко — то воровской, грабительский) характер формирования собственности в 1990-е годы. И, как знать, не окажется ли единственным, кто способен укротить новый прорыв, Хаос революции, — новый Сталин. Сталин и был, вместе с Лениным, укротителем Хаоса посредством революции, а затем, уже самостоятельно, укротителем революции (с недопущением глобализации) посредством красной империи “антикапитализма в одной, отдельно взятой стране” (кстати, это тонко подметила Н. Мандельштам во “Второй книге”). И, как знать, не придётся ли нового Сталина выдвигать-собирать-конструировать самой же власти, разумеется, если инстинкт самосохранения не атрофировался полностью, поражённый чужими и чуждыми информпотоками, миссформами, мемами и концептуальными вирусами. В работе “Порядок из хаоса” И. Пригожин и И. Стенгерс приводят следующий пример. Микроскопический плоский червь трематод, паразитирующий в печени овцы и самовоспроизводящийся там, попадает туда не самостоятельно, а с проглоченным овцой муравьём, в которого трематод предварительно должен попасть. Однако и после этого вероятность того, что овца проглотит инфицированного муравья, очень мала. Паразит, однако, “решает” проблему простым, но необъяснимым для учёных способом, превращая малую вероятность в максимальную. “Можно с полным основанием сказать, — пишут авторы “Порядка из хаоса”, — что трематод “завладевает” телом своего хозяина. Он проникает в мозг муравья и вынуждает свою жертву вести себя самоубийственным образом: поработивший муравей вместо того, чтобы оставаться на земле, взбирается по стеблю растения и, замерев на самом кончике листа, поджидает овцу”. Возможно, муравью “кажется”, что он свободен в своём поведении или даже он “руководит” покачиванием стебелька (ср. пингвинов на вершущке айсберга). На самом деле он раб трематода, “вложившего” в его мозг ложную и убийственную для него “концепцию” поведения, начисто устраняющую чувство самосохранения. Поставим на место “концепции” “управляемый хаос” “рыночных реформ” и “прав человека” — читайте С. Манна — и “картина маслом” будет ясна. Не случайно в информационных войнах первый удар наносится по психосфере правящего слоя, особенно его защитно-иммунным структурам (идеология и спецслужбы) — в этом плане история “Энциклопедии” во Франции XVIII века весьма поучительна. В сухом остатке: со стебелька надо сигать, пока не поздно.

Но вернёмся к укрощению Хаоса, если он возникнет. Для решения этой задачи новому Сталину придётся бросить толпе или, как говаривали на Руси, “выдать головой” какую-то, возможно, значительную часть несправедливо разжиревших, достав наиболее одиозных из них откуда угодно — из-за границы, из задницы дьявола, из Куяльника — и позволив остальным “присоединиться к нашему движению”. Как знать, не придётся ли десталинизаторам молить о пришествии нового Сталина, услышав тяжёлую поступь чёрного человека, причём не есенинского — из зеркала, в цилиндре и с тросточкой, — а лермонтовского — реального, с булатным ножом в руке. Такой “чёрный человек” — это вам не “бред разведок, ужас чрезвычайек” (М. Волошин), он посерьёзнее будет. Он может принести с собой момент истины для выяснения отношений между намерениями и обстоятельствами, окончательного решения вопроса об их “негативной диалектике”. И придётся, перефразируя А. Блока, просить: “Сталин, дай нам руку, / Помоги в немой борьбе”.